

Terra Economicus, 2019, 17(2), 163-175
DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-2-163-175

ЭКОНОМИКА И ЛИНГВИСТИКА: ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, ПРАКТИКА

Филипп Игоревич СЫСОЕВ,
независимый исследователь,
г. Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: karfagen97@mail.ru

Цитирование: Сысоев, Ф. И. (2019). Экономика и лингвистика: теория, история, практика // *Terra Economicus*, 17(2), 163–175. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-2-163-175

В статье исследуется взаимосвязь между языкознанием и экономикой, под которой понимается экономическая теория, экономическая история, а также анализ (социологический либо философский) хозяйственных практик в целом. С целью раскрытия того общего, которое содержится в указанных областях знания, ставится задача обнаружения причин парадигмального порядка, сделавших возможными обширные методологические заимствования из одной науки в другую и объясняющих существование между ними системы последовательных и глубоких параллелей. При этом ключевое внимание уделяется выявлению данных параллелей в контексте ряда основных интеллектуальных подходов, конкурировавших друг с другом в течение прошлого столетия: структурализма, логического позитивизма и субъективизма. В статье продемонстрировано, что каждому из этих философских подходов можно в качестве коррелята из поля лингвистики сопоставить особое отношение к языковой реальности, а из поля экономических парадигм – конкретную экономическую теорию. Так, в статье показана тесная связь структурализма с различными течениями марксизма; объективизма – и логического позитивизма – с англо-американской экономической традицией, а субъективизма – с концепциями представителей австрийской экономической школы. Вместе с этим в исследовании дается объяснение ряда важных причин, которые исторически лежали в основе выявленных соответствий. В качестве таковых обнаруживаются причины, имеющие совершенно различный характер, варьирующий от обусловленности социальными, идеологическими или эпистемологическими аспектами до зависимости от национальных особенностей конкретной философской школы.

Ключевые слова: лингвистика; экономическая теория; экономическая история; структурализм; эпистемология.

ECONOMICS AND LINGUISTICS: THEORY, HISTORY, PRACTICE

Philipp I. SYSOEV,

Independent Scientist,
Saint-Petersburg, Russia,
e-mail: karfagen97@mail.ru

Citation: Sysoev, P. I. (2019). Economics and linguistics: theory, history, practice. *Terra Economicus*, 17(2), 163–175. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-2-163-175

In this article the interrelationships between linguistics and economics, which took place at different stages of their development, are explored. Term economics in this article refers to economic theory, economic history, as well as analysis (sociological or philosophical) of economic practices in general. In order to uncover essential similarities that are contained in these areas of knowledge, the task is to identify paradigmatic reasons that made possible methodological adoptions from one science to another and determined existence of a system of serial and deep parallels between them. At the same time, special attention is paid to exploration of these parallels in the context of a number of main intellectual approaches that have competed with each other during the past century: structuralism, logical positivism, and subjectivism. It is demonstrated that each of these philosophical approaches can be correlated with a special relationship to linguistic reality and with a specific economic theory at the same time. Thus, in this article is shown some close relationship of structuralism (and structural linguistics) with various types of Marxist discourses; Objectivism – and logical positivism – with the English and American economic tradition (economics), and subjectivism – with the concepts of the Austrian economic school. Along with this, the study provides explanations of some important reasons that historically underlay the identified correspondences. As such, there are found the reasons that (depending on the case under consideration) are completely different, varying from the social conditionality to depending on the national characteristics of the particular school of thought.

Keywords: linguistics; economic theory; economic history; structuralism; epistemology

JEL classifications: B00

Введение

Развитие лингвистики в 20-м столетии имело огромное значение для всего блока гуманитарных дисциплин, в том числе и для экономики. И хотя в силу ряда причин эти изменения практически не нашли отражения в теоретическом мейнстриме, экономика является именно той сферой, применение к которой методов лингвистики может дать крайне важные и интересные результаты. При этом необходимо определить, что именно понимается под экономикой в контексте нашего исследования. Она рассматривается в нем с трех позиций: как историческая наука (экономическая история), теоретическая парадигма (либеральная, марксистская или какая-либо другая) и комплекс социально-хозяйственных практик современного западноевропейского и американского общества.

Также некоторые уточнения необходимо сделать и в отношении самой лингвистики, когда мы говорим о ее влиянии на экономику. Дело в том, что говорить о непосредственном и широком влиянии языкознания на прочие гуманитарные дисциплины можно только в том случае, если речь идет о «современном» этапе в истории развития этой науки, начало которому было положено Фердинандом де Соссюром – основоположником структурной лингвистики и, шире, структурализма. В то же время взаимосвязь языкознания с наукой о хозяйственной деятельности существенно глубже и выходит за рамки непосредственного влияния одной дисциплины на другую. Этот тезис следует понимать в смысле фиксации на каждом этапе исторического развития этих наук некой последовательной системы параллелей. Данные параллели при детальном рассмотрении вытекают из ряда характерных для каждого периода парадигмальных предпосылок, относящихся к представлениям об устройстве мира, человеческого мышления и их соотношении. Такой комплекс предпосылок, предопределяющих и формирующих возможное поле дискурсов, можно, используя подход Мишеля Фуко, назвать эпистемологической структурой (Смирнов, 2018). Несомненное же достоинство лингвистики заключается в том, что она практически напрямую обращается к рассматриваемым априорным установкам, наиболее отчетливо проявляющимся через представления о связи «слов и вещей». Неслучайно поэтому и то, что сам Фуко в своем фундаментальном труде «Слова и вещи» (Foucault, 1966) при анализе эпистем обращается к доминировавшим в разные эпохи филологическим концепциям.

Необходимо отметить, что специфика рассматриваемого в работе вопроса такова, что первостепенное значение для нас имеют исходные источники – ввиду того, что как в отечественных, так и в англоязычных новейших исследованиях предметом изучения в основном выступают несколько иные (в первую очередь имеющие прагматический характер) аспекты связи между лингвистикой и экономикой. Вместе с тем определенный интерес в контексте нашего исследования представляют работы, посвященные вопросам дискурсивного анализа конкретных теорий (см., напр.: Block, 2017; 2018). В то же время исследования, так или иначе фокусирующиеся на вопросах, связанных с методологическим либо, шире, эпистемологическим параллелизмом между данными науками, крайне малочисленны (хотя и не отсутствуют полностью – среди таковых можно указать, например, (Chaffee & Lemert, 2009; Zander, 2014), а также некоторые другие). Указанная малочисленность работ и вытекающая из нее необходимость обращаться к широкому спектру первичных источников, несомненно, осложняет нашу задачу, но в то же время открывает значительные перспективы, поскольку исследуемые тексты содержат всю полноту информации, необходимой для того, чтобы пролить свет на интересующий нас вопрос.

Теория

Рассматривая экономику как комплекс теоретических знаний о принципах хозяйственной деятельности, необходимо в первую очередь остановиться на том, на каком основании между ней и лингвистикой может вообще иметься некая связь. Ведь глубокое и плодотворное заимствование методологических принципов между двумя науками может происходить только в случае наличия существенного параллелизма в свойствах изучаемых ими объектов. Можно отметить, что на наличие искомого сходства указал уже де Соссюр. По его мнению, оно заключается в свойствах центрального для обеих наук понятия, при помощи которого обнаруживается система эквивалентностей между вещами различной природы, а именно: понятия значимости (Де Соссюр, 1977: 113). В русском переводе имеется разделение данного понятия на два: значимость (в контексте лингвистики) и ценность (в контексте политиче-

ской экономии). В оригинальном же тексте, равно как и в английском переводе, оба смысла охватываются одним термином: *valeur/value*. Подробный анализ эволюции семантической нагрузки данного термина (в том числе и его экономического содержания) представлен в (Викулова, 2018), а также в (Серебренникова, 2011). Важно то, что ключевым свойством данного понятия является двойственность: так, «одной из своих сторон значимость связана с реальными вещами и с их отношениями» (Де Соссюр, 1977: 113). Вместе с этим представляется возможным «проследить эту значимость во времени». Из этого следует отчетливое членение оперирующих данным понятием наук на часть, изучающую синхронические отношения (в экономической науке такую роль выполняет политическая экономия), и часть, в которой рассматриваются диахронические отношения (экономическая история) (Де Соссюр, 1977: 112). Другим же наукам, которые не обращаются к понятию значимости, такое разделение вовсе не свойственно.

Развивая предложенную де Соссюром аналогию, можно показать, что в классической, равно как и в марксистской, политэкономической теории стоимости существуют действительно «аналоги» лингвистических терминов: роль «означающего» играет цена, роль «означаемого» – меновая стоимость товара. Система же экономических отношений («формация», «уклад»), определяющая стоимость, является, как и языковая система у де Соссюра, автономной и самодостаточной. В таком случае по отношению к ней единичный транзакционный акт становится полным аналогом «речевого акта» (*la parole*) в его отношении к языку (*la langue*). Также важно отметить, что референтом денежного знака является не товар сам по себе (на языке политэкономии эпохи де Соссюра – потребительная стоимость, *value-in-use*), а именно меновая стоимость (*value-in-exchange*). Таким образом, стоимость блага оказывается полностью оторванной от его конкретного содержания, проявляющегося через потребительские свойства. Точно так же и в структурной лингвистике де Соссюра референтом слова – акустического образа является не предмет, понимаемый как объект внеязыкового мира, а некий ментальный (но при этом внеиндивидуальный) конструкт, смысл которого основан на противопоставлении другим конструктам.

Указанный Соссюром предмет политической экономии (система эквивалентностей между различными экономическими категориями) тем не менее не являлся универсальным для экономической науки в целом. Так, в рамках австрийской экономической школы товарообмен вовсе не рассматривается как эквивалентная процедура (Rothbard, 2006). Точно так же понятие стоимости – центральное понятие политэкономии – отсутствует в «Экономиксе». В то же время и те экономические учения, которые признавали эквивалентность в качестве основы обмена, выводили ее из различных факторов. Поэтому, говоря о различных подходах к определению ценности товара, можно, следуя классификации Ролана Барта относительно возможных порядков воображения знака, перечислить «порядки воображения» ценности. В таком случае «символическому порядку» будут соответствовать теории, выводящие ценность из внутренне присущих товару характеристик (т.е. своеобразный экономический объективизм); «парадигматическому» – теории, кладущие в основу понятия стоимости производственную структуру, определяющую пропорции обмена, а «синтагматическому порядку» – различные субъективистские концепции, отвергающие понятие стоимости и предпочитающие оперировать с понятием субъективной ценности, которая существует исключительно в темпоральном измерении конкретного предпринимательского проекта. Поэтому, говоря о связях между лингвистикой и экономической теорией (см. табл. 1), необходимо рассматривать каждый случай в отдельности.

Таблица 1

Соответствие языковых и экономических теорий*

Экономические теории и соответствующий им «порядок воображения»	Англо-американская экономическая теория (символический порядок)		Марксизм (парадигматический порядок)	Австрийская экономическая школа (синтагматический порядок)
	Классическая политическая экономия	Неоклассика «Экономикс»		
Фактор, лежащий в основе образования цены	Исторические предпринимательские издержки	Рыночный механизм. Учет объективных и субъективных факторов	Система производственных отношений	Субъект хозяйственной деятельности
Языковые теории	Логический позитивизм, аналитическая философия		Левый структурализм	Языковые игры; постструктурализм
Фактор, лежащий в основе образования смыслов	Объекты внеязыковой реальности, принципиально подлежащие непротиворечивому и однозначному описанию средствами языка		Диспозитив (Фуко); буржуазный «миф» (Барт)	Значение (смысл) слова является предельно гибким, определяется ситуативно

*Составлено автором на основе анализа текстов, относящихся к представленным научным школам

Структурализм и марксизм

В течение XX в. структурализм сближался с различными направлениями экономической теории в разной степени. Можно сказать, что его влияние на «мейнстрим» было минимальным – в силу принципиальной закрытости последнего к заимствованиям из методологического инструментария других наук (Вольчик, 2015). В то же время на представителей других направлений (в частности левых, включая пост- и неомарксистов) структурализм оказал существенное воздействие. Говоря о связях данных течений со структурализмом, через который в левый дискурс были привнесены многие принципы сосюррианской лингвистики, остановимся вкратце на том, в каком смысле используется сам термин «структурализм». Выдающийся «популяризатор» структурализма Ролан Барт в ряде своих эссе выделял среди его признаков следующие:

1) целью структурализма является создание функциональной модели исследуемого объекта (Барт, 1989: 255);

2) важной характеристикой структуралистского способа мышления является регулярное обращение к смысловым парам «означающее/означаемое» и «синхрония/диахрония» (Барт, 1989: 253) (именно по этим двум осям де Соссюр сравнил между собой политэкономия и лингвистику);

3) структурализм может быть понят как исторический переход от «символического порядка воображаемого» к «парадигматическому» (Барт, 1989: 246). Последнее также имеет прямое отношение к структурной лингвистике, в которой значение слова (знака) проистекает не из внешнего референта, а из противопоставления и соотношения с другим словом (знаком): «в языке нет ничего, кроме различий» (Де Соссюр, 1977: 152).

Теперь обратимся вкратце к тому, как понимали экономическую науку и хозяйственную систему марксисты. Можно сказать, используя выражение Барта, что для них экономика, наряду с лингвистикой, являлась «прямым воплощением науки о структуре» (Барт, 1989: 253). Чтобы доказать это, рассмотрим ряд важных аспектов марксистской

теории. Начать необходимо с противопоставления марксистского взгляда на процесс развития общественных и хозяйственных институтов представлениям классического либерализма. Одной из характерных черт последнего является идея постепенного совершенствования естественных общественных институтов в ходе исторического эволюционного процесса. В этом смысле либеральные экономисты неоднократно обращались и, что важно, обращаются и сейчас к метафоре языка, который, с их точки зрения, представляет образец стихийно развивающегося и совершенствующегося социального института, не терпящего институционального вмешательства. Так, Уэрта де Сото приводит в качестве иллюстрации нежизнеспособности любой искусственной системы (сам он акцентирует при этом внимание на социализме) провал попытки создания искусственного языка – эсперанто (Де Сото, 2008: 562).

Теоретическое же новаторство Маркса, который, согласно выражению Луи Альтюссера, совершил теоретический, «эпистемологический» скачок по отношению к предшествующим политэкономическим концепциям (Althusser, 1973: 6), проявилось в следующем. Во-первых, в «Нищете философии» Маркс прямо высказался против либеральной интерпретации истории общества, согласно которой выделяются естественные и искусственные общественные институты (Маркс, 2016а: 135). С его точки зрения, важной задачей классиков английской политической экономии являлось обоснование принципиального превосходства капиталистической производственной системы над всеми предыдущими и, как следствие, утверждение на этой основе вывода об универсальном и естественном характере экономических законов капитализма (Маркс, 2016b). Однако, согласно Марксу, естественных экономических законов в принципе не существует, и в каждый конкретный момент исторического развития они зависят от господствующей системы производственных отношений.

Во-вторых, в политэкономии Маркса особое освещение получила природа товарной стоимости. Было окончательно закреплено отделение стоимости от физических свойств вещи: «как меновые стоимости товары не заключают в себе ни одного атома потребительной стоимости» (Маркс, 2016а: 28). Полностью утратив автономное существование, стоимость стала определяться исходя из затрат общественно необходимого (абстрактного) труда. Далее, в марксистской политэкономии товар выступил в качестве знака общественных отношений. Этим был осуществлен разрыв с так называемым товарным фетишизмом как классической политэкономии, так и «обыденного сознания», создающего видимость самостоятельной онтологии товара. Система производственных отношений – это именно то, что, согласно Марксу, в конечном итоге управляет распределением труда и определяет конкретные пропорции меновых стоимостей.

На основе данного описания можно провести ряд параллелей между соссорианской и марксистской методологией. Во-первых, в обоих случаях внимание смещается с динамического анализа на синхронический. Во-вторых, присутствует стремление смоделировать весь комплекс функциональных взаимосвязей. В-третьих, значение/стоимость больше не мыслятся сами по себе, а только в противопоставлении другим значениям/стоимостям. И, наконец, постулируется решающая роль системы по отношению ко всем частным проявлениям человеческой деятельности. В силу этого мы имеем возможность охарактеризовать марксистский дискурс как структуралистский. Интересно, что в некоторых книгах советского периода именно Маркс объявлялся основоположником структурализма (см., напр.: Ревзин, 1977). В западной литературе существуют разные мнения относительно генезиса структурализма (Бойн, 2003: 172). Однако у некоторых авторов присутствует признание именно за Марксом первенства в создании структуралистского метода: «теория товарного обмена Маркса была первым серьезным проявлением структурализма» (Chaffee & Lemert, 2009: 126). В указанной статье содержится также анализ целого ряда аспектов, по которым устанавливаются соответствия между теорией Маркса и структурной лингвистикой де Соссюра, кото-

рый (впрочем, как указывают авторы, непреднамеренно) развил целый ряд положений марксистской теоретической системы. Относительно одного из таких аспектов представляется целесообразным сделать уточнение – речь идет о взаимодействии системы и индивида. Как указывается в приводимой статье, де Соссюр фактически пересмотрел отчуждающий характер подобного взаимоотношения, следующий из марксистского видения социальных структур: так, внутри одного языкового пространства не порождается ничего, похожего на отчуждение. Тем не менее именно тематика отчуждающего характера языка стала играть важную роль у многих связанных с левым движением интеллектуалов. Структурный психоанализ Жака Лакана, оказавший значительное влияние на идеи одного из важнейших представителей структурного марксизма – Луи Альтюссера, также напрямую связан с темой отчуждения, и в нем столкновение человека со структурой обнаруживается с особой остротой. Так, согласно Лакану, «погружение в язык являет собой процесс контроля, подчинения, дисциплины» (Бойн, 2003: 188) – посредством языка происходит формирование социальной идентичности, которая, в свою очередь, принадлежит к порядку Воображаемого и представляет собой «неправильно распознанное “эго”» (Althusser, 1971: 201).

Переходя от структурализма к рассмотрению логически-позитивистской (фактически сциентистской) и субъективистских парадигм, представляется интересным отметить особое отношение левого структурализма к обеим из них. Для этого имеет смысл обратиться вновь к Ролану Барту, коль скоро он использовал структуралистский инструментарий с целью описания и демистификации именно буржуазной культуры (Зенкин, 2014). Как указывает Филипп Роже, позиция Барта не соответствовала ни одной из этих крайностей – в разные периоды его творчество было направлено как против субъективизма, так и против тотального позитивизма науки (Роже, 2018). Данный момент помогает понять, почему в рамках самого марксизма могли сформироваться и научный материализм, и различные течения, которые принято называть постмарксистскими: так, Жан Бодрийяр объявил науку идеологическим дискурсом, основанным на конвенциональной логике (Бодрийяр, 2015: 132). Само собой, это негативно сказалось на принятии идей Бодрийяра представителями англо-американской школы аналитической философии (Какой смысл философу..., 2009: 148).

Английская политэкономия, объективизм и логический позитивизм

Объективизм как философское явление был присущ в первую очередь английской мысли – и в равной мере обнаружил себя как в лингвистических, так и в экономических представлениях. В отношении языкознания он исторически проявился в последовательной серии попыток создать строгий логический язык, позволяющий непротиворечиво описать окружающую реальность. Такой подход вел свою историю от традиций номинализма (Уильям Оккам) и нашел свое наиболее полное воплощение в английской аналитической философии XX в. (Бертран Рассел, Джордж Мур). Период формирования классической английской политэкономии был также временем господства объективистских представлений о языке. В этом смысле показателен пример Джона Стюарта Милля. В своем труде «Система логики» он пишет: «когда я использую имена, я обозначаю ими саму вещь, а вовсе не мою идею этой вещи» (Mill, 1974: 24). Неудивительно поэтому, что именно английские политэкономы (в частности Роберт Торренс и сам Милль) столь же объективистски подходили и к вопросам стоимости, придерживаясь той точки зрения, что стоимость товара определяется затратами на его производство. По мнению ряда современных теоретиков, такой «объективистский» подход к ценообразованию перешел и в неоклассическую экономическую теорию вместе со знаменитым «крестом Маршалла», в котором кривая предложения по-прежнему определяется «бухгалтерскими» предпринимательскими издержками. Другой ключевой особенностью современной англо-американской экономической теории («economics») является ее исключительная математизированность: концен-

трируясь на формальном описании моделей экономического равновесия на макро- и микроуровне, она использует в основном язык дифференциального анализа. В формировании этого способа изложения, безусловно, ключевую роль сыграли традиции английского логического позитивизма, рассматривавшего математический язык в качестве единственного строго научного языка.

Австрийская экономическая школа и субъективизм

Полярную позицию в отношении методологического объективизма английской экономической теории заняли представители австрийской экономической школы (Де Сото, 2018: 8). Ключевой постулат данного экономического течения – это субъективная теория ценности, согласно которой даже издержки производства имеют субъективный характер (Де Сото, 2018: 16). Данный подход упраздняет категорию не только стоимости, но и какой бы то ни было объективной ценности вообще, имея в виду то, что ценность вещи определяется исключительно контекстом индивидуальной предпринимательской деятельности. Соответственно, под критику подпадает также и рационалистический концепт «человека экономического»: «Карл Менгер, явившись одним из первых критиков понятия *homo economicus*, указал, что отнюдь не научное представление о ценности тех или иных благ для индивидов содействует вступлению экономического агента в процесс обмена» (Фокин, 2018: 98). Также интересно отметить и особое неприятие австрийцев по отношению к использованию математического языка в экономике (Де Сото, 2018; Rothbard, 2006). С точки зрения австрийцев, математический аппарат принципиально не позволяет передать «субъективность времени и предпринимательского творчества» (Де Сото, 2018: 17).

В области же лингвистики решительный поворот от объективизма к субъективизму происходил в то же самое время (1920–1940-е гг.), когда Людвиг фон Мизес и Фридрих фон Хайек написали ряд важнейших работ по экономической теории. Интересно то, что первые шаги этого перехода также были сделаны в австрийском контексте, причем учеными, примыкавшими на ранних этапах биографии к блоку неопозитивистов. С одной стороны, открытия австрийского логика Курта Геделя (знаменитая теорема о неполноте, 1930 г.) обнаружили непригодность языка математики для роли «универсального» языка. Другой, не менее важный аспект данного перехода можно увидеть в теории языковых игр австрийского философа и логика Людвиг Витгенштейна. На раннем этапе своего научного творчества он также стоял на позициях логического позитивизма, однако позднее осуществил фундаментальный пересмотр своих взглядов, придя к понятию языковых игр. Согласно этой теории, смысл слов рождается только в процессе их использования, зависящего от уникального, невозпроизводимого контекста.

История

Выше мы кратко описали, в каком ключе возможно применить историю лингвистических концепций к анализу экономических теорий (синхрония). Далее укажем на то значение, которое имел лингвистический структурализм для изучения экономической истории (диахрония). В этом отношении необходимо остановиться на экономической истории Фернана Броделя и мир-системном анализе Иммануила Валлерстайна. Бродель – историк, имя которого прочно связано с французской Новой исторической школой. В целом вопрос о влиянии структурализма на представителей этого направления является далеко не однозначным, поскольку методология Новой школы предполагала широкий синтез гуманитарных наук в противовес структуралистской тенденции выделения некой базовой структуры (социальной, экономической и т.д.). Именно поэтому достижения структурной лингвистики могли заимствоваться в рамках французской Новой школы лишь избирательно, на уровне выводов, хотя и весьма плодотворно. Например, безусловно значимым оказалось структуралистское представление относи-

тельно обусловленности каждого конкретного словесного значения общей системой концептов. Так, Жак Ле Гофф обращал внимание на некорректность применения понятий современного экономического словаря (например, даже такой внешне очевидной категории как деньги) к иным историческим системам (Ле Гофф, 2014).

Тем не менее в исследованиях одного из ключевых историков экономики – Броделя (см., например, «Материальная цивилизация, экономика и капитализм» (Бродель, 1986)) – структуралистская методология была заимствована гораздо полнее. Выделенные им структуры – естественно-географические и социально-экономические, т.е. «структуры большой длительности» (*la longue durée*) – в их детерминистическом отношении к повседневным практикам человека оказались полным аналогом языковой системы у де Соссюра в отношении речевых актов. Помимо этого, новаторского для исторической науки шага – введения в рассмотрение различных темпоральностей, – Бродель также приложил все силы, чтобы показать: история – это наука не только об изменениях, но также о функционировании структур. Таким образом, в случае с Броделем мы имеем чистый пример того, как «структурализм, заимствованный из лингвистики и этнологии, был перенесен в историческое исследование и превращен в универсальный инструмент объяснения» (Гуревич, 1993: 122).

Мир-системный анализ Валлерстайна тесно связан с исследованиями Броделя. Развивая подход Броделя к пониманию экономической истории, Валлерстайн актуализировал его, обратившись от изучения «долгого шестнадцатого века» к анализу всего исторического пути капитализма, уделяя при этом особое внимание возможностям процессов «модернизации» периферийных экономик. Ранее процессы экономического развития рассматривались независимо от места, занимаемого страной в системе мирохозяйственных связей, и в расчет брались преимущественно внутренние преобразования, направленные на модернизацию социальных и экономических институтов, либерализацию внешнеэкономических отношений и т.д. Считалось, что подобные меры являются достаточным условием для постепенного вхождения страны в число развитых экономик. Однако, как показал Валлерстайн, «в исследовании процесса “развития” нельзя просто исследовать одну страну за другой, – напротив, рассматривать отдельные страны можно лишь в рамках более широкой категории, которую я назвал мир-системой» (Валлерстайн, 2016: 18). Таким образом, переключение внимания на синхронический анализ связей центра и периферий мировой экономики, поддерживающих и воспроизводящих систему неэквивалентного обмена между ними, позволило по-новому рассмотреть причины разрыва между Севером и Югом.

Практика

Особое внимание необходимо уделить тому, как повлияли методы и принципы структурной лингвистики на интерпретацию экономических практик Западной Европы и США XX в. В этой связи следует указать в первую очередь на Жана Бодрийяра, посвятившего большинство своих работ изучению структур современного ему общества – причем с повышенным вниманием к экономической сфере. Пожалуй, работой, в которой рельефнее всего проявляются заимствования из методологического инструментария структурной лингвистики, можно считать его труд «К критике политической экономии знака» (Бодрийяр, 2003). Среди множества идей, перекликающихся со структурной лингвистикой, можно выделить две основные.

Первое – это обнаружение и описание так называемой «знаковой стоимости». Сам термин «знаковая стоимость» интересен тем, что объединяет в себе теоретические традиции марксизма с рядом идей структурализма. Так, здесь существует определенная преемственность по отношению к марксистскому пониманию стоимости как знака общественных отношений. При этом знаковая стоимость, заступающая у Бодрийяра на место меновой, наделена особым содержанием – она целиком и полностью подчинена логике непрерывного процесса «социального различения». Стоимость-знак играет

роль означающего, указывая на статус владельца и т.д. Таким образом, перефразируя де Соссюра, теперь можно сказать: «*в стоимости нет ничего, кроме различения*».

В том анализе потребления, который проводит Бодрийяр, заключается вторая параллель с языкознанием. Потребность он рассматривает в качестве производительной силы (Бодрийяр, 2003: 78): фактически утверждается, что процесс потребления является одновременно и процессом производства – производства знаков. В процессе потребления человек не столько поглощает некую «потребительскую стоимость», сколько создает новую, знаковую. Интересно, что Ролан Барт писал о появлении нового типа мышления – о приходе «человека означающего», деятельность которого состоит не в наблюдении за внешними объектами и обнаружении смысла в них, а в бесконечном и непрерывном производстве новых смыслов. Здесь мы видим практически прямую параллель с тем явлением, которое описывается у Бодрийяра: деятельность по потреблению данных извне смыслов/стоимостей превращается в производство новых значений/стоимостей-знаков. Таким образом, оба мыслителя обозначили черты одного и того же фундаментального процесса.

Заключение

Предметом особого интереса сегодня является связь лингвистики с остальными науками – как на уровне прямых методологических заимствований из языка одной науки в язык другой, так и на уровне обнаружения их общих эпистемологических оснований. В наличии таковых убеждают системы устойчивых параллелей между представлениями об устройстве языка и взглядами на организацию остальных областей человеческой деятельности, существующие внутри определенных парадигм. В настоящем исследовании были приведены два примера подобных парадигм – либеральная (англо-американская и австрийская) и структуралистская. При анализе той интеллектуальной среды, в которой формировался структуралистский дискурс, можно заметить, что активнее всего его восприняли мыслители, стоявшие в определенной интеллектуальной оппозиции к доминирующему евроцентричному буржуазному дискурсу. Так, Клод Леви-Стросс, применивший методы структурализма к антропологии «примитивных» обществ, стремился обосновать принципиальную несравнимость различных типов культур. Схожий критицизм можно заметить и у некоторых представителей французской Новой исторической школы. Помимо этих групп ученых – антропологов и историков – достаточно заметно выделяется блок мыслителей, которых можно назвать «левыми структуралистами». Такая ситуация не случайна. В своем эссе «Война языков» Барт выделил два типа дискурсов: энкратические и акратические (т.е. сформировавшиеся в противовес дискурсу правящих групп). К числу акратических он отнес дискурс марксизма, структурализма, а также психоанализа. Таким образом, в лице названной группы мыслителей можно увидеть сторонников активного использования достижений структурализма для анализа экономической и социальной жизни. Именно «лингвистический поворот» позволил им под оригинальным углом интерпретировать современные экономические практики: Ролан Барт описал «мифологии современного общества» (Barthes, 1957), а Жан Бодрийяр – мифы и структуры общества потребления (Baudrillard, 1970). Рассмотренная под таким углом лингвистика обнаруживает свое особое место в круге гуманитарных наук, позволяющих исследовать человеческую реальность во всей ее полноте. Именно благодаря ей оказался осуществимым процесс перехода к новому взгляду на неевропейские общества, а также новый виток рефлексии европейского человека по отношению к современной социально-экономической системе.

ЛИТЕРАТУРА

- Барт, Р. (1989). *Избранные работы. Семиотика, поэтика*. М.: Прогресс.
- Бодрийяр, Ж. (2003). *К критике политической экономики знака*. М.: Библион-Русская книга.

- Бодрийяр, Ж. (2015). *Символический обмен и смерть*. М.: Добросвет.
- Бойн, Р. (2003). Структурализм, с. 172–197 / В кн.: Б. С. Тернер (ред.) *Блэквелловский путеводитель по социальной теории*. Томск: ТГУ, 416 с.
- Бродель, Ф. (1986). *Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв.*, Т. I–III. М.: Прогресс, 1986–1992.
- Валлерстайн, И. (2016). *Мир-система Модерна, Т. I–IV. Мир-система Модерна I: Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке*. М.: Изд-во Университета Дмитрия Пожарского.
- Викулова, Л. Г., Серебренникова, Е. Ф., Вострикова, О. В., & Герасимова, С. А. (2018). Лингвистический аксиологический анализ лексем *valeur/value*: сравнительно-сопоставительный подход // *Филологические науки. Научные доклады высшей школы*, (1), 3–13.
- Вольчик, В. В. (2015). Междисциплинарность в экономической науке: между империализмом и плюрализмом // *Terra Economicus*, 13(4), 52–64.
- Гуревич, А. Я. (1993). *Исторический синтез и Школа «Анналов»*. М.: Индрик.
- Де Соссюр, Ф. (1977). *Курс общей лингвистики* / В кн.: Де Соссюр, Ф. *Труды по языкознанию*. М.: Прогресс.
- Де Сото, Х. У. (2008). *Деньги, банковский кредит и экономические циклы*. Челябинск: Социум.
- Де Сото, Х. У. (2018). *Австрийская экономическая школа: рыночное и предпринимательское творчество*. Челябинск: Социум.
- Зенкин, С. Н. (2014). Ролан Барт: признаки мифа // *Arbor mundi*, (20), 163–178.
- «Какой смысл философу верить в реальность?» (Беседа с Джерри Култером) (2009) // *Хора. Журнал современной зарубежной философии и философской компаративистики*, 2009, №2, с. 148–164.
- Ле Гофф, Ж. (2014). *Средневековье и деньги: очерк исторической антропологии*. СПб.: Евразия.
- Маркс, К. (2016a). *Капитал. Критика политической экономии, Т. I. Книга I. Процесс производства капитала*. М.: Манн, Иванов и Фербер.
- Маркс, К. (2016b). *Нищета философии*. М.: Эксмо.
- Ревзин, И. И. (1977). *Современная структурная лингвистика. Проблемы и методы*. М.: Наука.
- Роже, Ф. (2018). Что нам делать без Ролана Барта? С. 9–38 / В кн.: С. Зенкин & С. Фокин (ред.) *Что нам делать с Роланом Бартом? Материалы международной конференции*, Санкт-Петербург, декабрь 2015 г. М.: НЛЮ.
- Серебренникова, Е. Ф. (2011). Диахроническая семиметрия французского слова *la valeur*, с. 49–57 / В кн.: Серебренникова, Е. Ф. и др. *Лингвистика и аксиология. Этносемиметрия ценностных смыслов*. М.: Тезаурус.
- Смирнов, А. В. (2018). М. Фуко: фигуры дискурса в экономической теории, с. 89 / В: *Экономика. Литература. Язык. Сборник тезисов VII Международной научной конференции*. СПб.: Центр научно-информационных технологий «Астерион».
- Фокин, С. Л. (2018). Цена истины: взаимность, дар, обмен, свобода в этике Рене Декарта, с. 98 / В: *Экономика. Литература. Язык. Сборник тезисов VII Международной научной конференции*. СПб.: Центр научно-информационных технологий «Астерион».
- Althusser, L. (1971). *Lenin and Philosophy and Other Essays*. London: NLB.
- Althusser, L. (1973). The Conditions of Marx's Scientific Discovery // *Theoretical Practice*, (7–8), 4–8.
- Barthes, R. (1957). *Mythologies*. Paris: Editions du Seuil.
- Baudrillard, J. (1970). *La Société de consommation: ses mythes, ses structures*. Editions Denoël.
- Block, D. (2017). Political Economy in Applied Linguistics Research // *Language Teaching*, 50(1), 32–64.

- Block, D. (2018). *Political economy and sociolinguistics: Neoliberalism, inequality and social class*. London: Bloomsbury.
- Chaffee, D., & Lemert, C. (2009). Structuralism and Poststructuralism, pp. 124–141 / In: B. S. Turner (ed.) *The New Blackwell Companion to Social Theory*. Blackwell Publishing Ltd.
- Foucault, M. (1966). *Les mots et les choses: Une archéologie des sciences humaines*. Editions Gallimard.
- Mill, J. S. (1974). *A System of Logic Ratiocinative and Inductive. Collected Works of John Stuart Mill*. Toronto: University of Toronto Press.
- Rothbard, M. N. (2006). *Economic Thought Before Adam Smith. An Austrian Perspective on the History of Economic Thought: in 2 vols. Vol. I*. Auburn: Ludwig von Mises Institute.
- Zander, P.-O. (2014). Baudrillard's Theory of Value: A Baby in the Marxist Bath Water? // *Rethinking Marxism*, 26(3), 382–397.

REFERENCES

- Althusser, L. (1971). *Lenin and Philosophy and Other Essays*. London: NLB.
- Althusser, L. (1973). The Conditions of Marx's Scientific Discovery. *Theoretical Practice*, (7–8), 4–8.
- Barthes, R. (1957). *Mythologies*. Paris: Editions du Seuil.
- Barthes, R. (1989). *Selected works. Semiotics, poetics*. Moscow: Progress Publ. (In Russian.)
- Baudrillard, J. (1970). *La Société de consommation: ses mythes, ses structures*. Editions Denoël.
- Baudrillard, J. (2003). *To criticism of the political economy of the sign*. Moscow: Biblion-Russian Book Publ. (In Russian.)
- Baudrillard, J. (2015). *Symbolic exchange and death*. Moscow: Dobrosvet Publ. (In Russian.)
- Block, D. (2017). Political Economy in Applied Linguistics Research. *Language Teaching*, 50(1), 32–64.
- Block, D. (2018). *Political economy and sociolinguistics: Neoliberalism, inequality and social class*. London: Bloomsbury, 2018
- Boyne, R. (2003). Structuralism, pp. 172–197 / In: B. S. Turner (ed.) *Blackwell Companion to Social Theory*. Tomsk: Tomsk state University. (In Russian.)
- Braudel, F. (1986). *Material civilization, economy and capitalism of the XV–XVIII centuries, vols. I–III*. Moscow: Progress, 1986–1992. (In Russian.)
- Chaffee, D., & Lemert, C. (2009). Structuralism and Poststructuralism, pp. 124–141 / In: B. S. Turner (ed.) *The New Blackwell Companion to Social Theory*. Blackwell Publishing Ltd.
- What is the point of a philosopher believing in reality? (2009). *Chora* (2), 148–164. (In Russian.)
- Fokin, S. L. (2018). The price of truth: reciprocity, gift, exchange, freedom in the ethics of Rene Descartes, p. 98. *Economics. literature. Language. Collection of abstracts VII International scientific conference*. St. Petersburg: Center of scientific and information technologies «Asterion». (In Russian.)
- Foucault, M. (1966). *Les mots et les choses: Une archéologie des sciences humaines*. Editions Gallimard.
- Gurevich, A. Y. (1993). *Historical synthesis and the school «Annals»*. Moscow: Indrik Publ. (In Russian.)
- Le Goff, J. (2014). *The Middle Ages and Money: A Sketch of Historical Anthropology*. SPb: Eurasia. (In Russian.)
- Marx, K. (2016a). *Capital. Criticism of political economy, vol. I. Book I. The process of production of capital*. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber Publ. (In Russian.)
- Marx, K. (2016b). *Poverty of philosophy*. Moscow: Eksmo Publ. (In Russian.)

Mill, J. S. (1974). *A System of Logic Ratiocinative and Inductive. Collected Works of John Stuart Mill*. Toronto: University of Toronto Press.

Revzin, I. I. (1977). *Modern structural linguistics. Problems and methods*. Moscow: Science. (In Russian.)

Roger, F. (2018). What should we do without Roland Barthes? P. 9–38 / In: *What should we do with Roland Barthes? Proceedings of the international conference*. Moscow: NLO. (In Russian.)

Rothbard, M. N. (2006). *Economic Thought Before Adam Smith. An Austrian Perspective on the History of Economic Thought: in 2 vols. Vol. I*. Auburn: Ludwig von Mises Institute.

Saussure, F., de. (1977). The course of general linguistics / In: De Saussure, F. *Works on linguistics*. Moscow: Progress Publ. (In Russian.)

Serebrennikova, E. F. (2011). Diachronic semiometry of the French word la valeur, pp. 49–57 / In: Serebrennikova, E. F. *Linguistics and Axiology. Ethnosemiometry of value meanings*. Moscow: Thesaurus. (In Russian.)

Smirnov, A. V. (2018). M. Foucault: figures of discourse in economic theory, p. 89 / In: *Economics. Literature. Language. Collection of abstracts VII International scientific conference*. St. Petersburg: Center of scientific and information technologies «Asterion» Publ. (In Russian.)

Soto, H. U., de. (2008). *Money, bank loans and business cycles*. Chelyabinsk: Sotzium Publ. (In Russian.)

Soto, H. U., de. (2018). *Austrian School of Economics: Market and Entrepreneurial Creativity*. Chelyabinsk: Sotzium Publ. (In Russian.)

Vikulova, L. G., Serebrennikova, E. F., Vostrikova, O. V., & Gerasimova, S. A. (2018). Linguistic axiological analysis of valeur / value tokens: comparative approach. *Philological Sciences. scientific reports of the higher school*, (1), 3–13. (In Russian.)

Volchik V. V. (2015). Interdisciplinarity in Economic Science: Between Imperialism and Pluralism. *Terra Economicus*, 13(4), 52–64. (In Russian.)

Wallerstein, I. (2016). *Modern World System: vols. I–IV. World-system of Modern I: Capitalist agriculture and the origins of the European world-economy in the XVI century*. Moscow: University Publishing House of Dmitry Pozharsky. (In Russian.)

Zander, P.-O. (2014). Baudrillard's Theory of Value: A Baby in the Marxist Bath Water? *Rethinking Marxism*, 26(3), 382–397.

Zenkin, S. N. (2014). Roland Barthes: the signs of the myth. *Arbor mundi*, (20), 163–178. (In Russian.)